

УДК 94 (170.661) "1920"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-78-84

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СЕПАРАТИЗМА В ЧЕЧНЕ В 1920-Х ГГ.

Кульчицкий П.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация.*

Аннотация. В данной работе предпринята попытка рассмотреть уровень протестных настроений на Северном Кавказе в 1920-х гг. на примере Чечни. После установления Советской власти политика видоизменялась, что не могло не сказаться на настроениях горского населения края. Автор связывает их рост с тем, что после установления Советской власти стали постепенно меняться основы национальной политики, декларируемой большевиками в начале их прихода к власти, в сторону усиления централизации в регионе.

Ключевые слова: Чечня, сепаратизм, продразверстка, ревком, шейх.

MANIFESTATIONS OF SEPARATISM ELEMENTS IN CHECHNYA IN 1920

P. Kulchitskiy

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. This work attempts to examine the level of protest in the North Caucasus in 1920 through the example of Chechnya. After the establishment of the Soviet power the policy was changing gradually, which could not but affect the moods of the mountain population of the region. The author links its growth to the fact that after the establishment of Soviet authority, it gradually began to change the foundations of the national policy, declared by the Bolsheviks at the beginning of their rise to governance, toward greater centralization of power in the region.

Key words: Chechnya, separatism, requisitioning, the revolutionary Committee, Sheikh.

Перед партией большевиков по окончании Гражданской войны встал ряд важных задач, нуждавшихся в решении. Среди них одной из важных была ликвидация неравномерности развития национальных окраин по сравнению с центральными регионами. На X съезде РКП (б), состоявшемся в марте 1921 г., было принято постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В этом постановлении подчеркивалась необходимость развития и укрепления советской государственности в формах, которые будут соответствовать местным отличиям региона, способствовать развитию местных институтов власти на местном же языке (суды, администрации и пр.). Основу регионального руководства, исходя из этого постановления, должны были составлять представители местных национальностей. Это, в свою очередь, требовало подготовки

квалифицированных партийных кадров. Кроме того, съезд постановил начать развитие сети школ, в том числе профессионально-технического характера [11, с. 62]. Стоит заметить, что для успешной работы органов Советской власти на окраинах и строительства единого государства была необходима местная квалифицированная политическая элита, воспитанная Советами и лояльная к ним, посредством которой руководство Советской России могло проводить свои решения на местах.

Учитывая отсутствие национальной политической элиты на раннем этапе существования советской Чечни, руководство страны проводило свою политику через национальных лидеров, лояльных советской власти. Так, сотрудником ревкома был шейх Али Митаев, который в 1922 г. имел в своем подчинении два полка верных мюридов, готовых бороться с советской властью. С 1923 г. А. Митаев стал членом ревкома, и «задания ревкома выполнял безоговорочно» [10, с. 119]. Выбор в пользу А. Митаева можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, А. Митаев пользовался популярностью не только у жителей плоскостной Чечни, но и в горных районах. Во-вторых, несмотря на то, что А. Митаев, по сути, был религиозным лидером чеченцев, он в молодости вел светский образ жизни и со времен Гражданской войны был широко известен своей политической гибкостью¹. К функциям А. Митаева как члена ревкома относилось обеспечение безопасности перевозок по чеченской железной дороге [2, с. 696].

Интересно проследить мотивы сближения с советской властью самого

Али Митаева. Скорее всего, религиозный лидер планировал использовать в своих целях финансовые и материальные возможности советской власти и планировал укрепить собственное влияние. Кроме того, А. Митаеву было необходимо решить проблему поиска средств, на которые можно было снарядить своих мюридов. Эту проблему А. Митаев с легкостью решил, включив своих сторонников в состав чеченской милиции [9, с. 118].

Если для налаживания контроля над рядовым населением и для реализации собственной политики в Чечне советская власть использовала духовных лидеров, таких, как Али Митаев, то для лояльности чеченской элиты были необходимы другие средства, например, решение вопроса автономии в составе России.

На съезде народов Терской области в 1920 г. была провозглашена Горская АССР со столицей во Владикавказе. В состав Горской АССР были включены шесть округов, в каждом округе был свой исполком. Однако Горская АССР оказалось крайне непрочным образованием. Экономическая отсталость, разобщенность народов внутри данного образования и отсутствие квалифицированных кадров, способных управлять ГАСССР, привели к упразднению Горской республики. В 1924 г. она была упразднена и народы, входившие в ее состав, получили автономию. По решению президиума ВЦИК 30 ноября 1922 г. Чечня была выделена из состава Горской АССР в автономную область со столицей в г. Грозном. Руководящим органом стал Ревком, его председателем – Т. Эльдарханов [4, с. 117].

Несмотря на гибкую политику советской власти на Северном Кавка-

¹ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 440. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

зе, начиная с 1920-х гг. на территории региона имели место вооруженные выступления местного горского населения. Стоит заметить, что одной из причин недовольства местного населения в отдельных частях Советской России была продразверстка. Что касается Чечни, то Е.Ф. Жупикова отмечает, что вначале 1920-х гг. продразвёрстка в Чечне не могла проводиться, а продналог не собирался, так как более 65% местных крестьян были бедняками. В 1920 г. Москва выделила Чечне 19 вагонов семенной пшеницы и около 2 млн. аршин мануфактуры; в 1922 г. Чечня, Ингушетия и Северная Осетия получили 110,5 тыс. пудов продовольствия [3, с. 161]. Эти факты подтверждают не единовременную помощь местному населению, она также продолжалась и в последующие годы. Чеченские крестьяне нередко саботировали выполнение продразвёрстки. Так, многие чеченские хозяйства Веденского округа отказались выполнять продразвёрстку [7, с. 2]. В целом, не только материальное положение горского населения, но и слабость советских органов на местах заставили большевиков отказаться от продразверстки в регионе.

Одной из причин бедности чеченского крестьянства являлось малоземелье. В Чечне на одну душу мужского населения приходилось 1,2 десятины пашни, 1,7 десятины сенокосов и 2,3 десятины пастбищных земель [1, с. 37]. Плоскостные селения были лучше обеспечены землей, чем горные. Но и на равнине только 13 селений были обеспечены земельными наделами в пределах нормы, а 44 относились к числу малоземельных. В итоге, по всей территории Чечни только 23% крестьян имели нормальные земельные наделы, остальные же 77

% были малоземельными [12, с. 19]. В то же время нормальный земельный надел чеченского крестьянина был равен 8,95 десятинам, хотя, к примеру, земельный надел терского казака равнялся 24,8 десятинам [9, с. 19].

К концу ноября 1923 г. настроение в Чечне горского и казачьего населения заметно улучшилось не только благодаря удачной посевной кампании, но и окончанию кампании по сбору продналога. В то же время под командованием Али Митаева собирались силы, ранее входившие в состав войск Северо-Кавказского эмирата. Поэтому можно предположить, что не только продразвёрстка влияла на настроения горского населения, и сами мотивы, двигавшие повстанцами, были разнообразны. Например, имам Н. Гоцинский и бывший белогвардейский полковник К. Алиханов выступали за ликвидацию советской власти и установление шариатского правления [2, с. 683]. Под знаменами Н. Гоцинского и К. Алиханова сражались не только фанатичные сторонники ислама, но и бандитские элементы, чьи цели сводились к грабежу мирного населения.

Несмотря на значительную поддержку местного населения, восстание было не полностью, но подавлено. Вместе со своими сторонниками мятежный имам укрылся в горах, откуда его армия совершала свои набеги, убивая коммунистов, милиционеров и партийных деятелей до 1923 г. [11, с. 122]. В августе 1920 г. боевиками Гоцинского было совершено покушение на командующего Кавказской трудовой армией и начальника Центрального нефтяного управления И.В. Коспора [6, с. 131]. Впрочем, и к соотечественникам, работавшим или активно помогавшим

советской власти, отношение у повстанцев не было иным. Один из лидеров повстанческого отряда в своем приказе призывал не трогать русских работников, так как «русские выступают против нас по долгу службы, а чеченцы и ингуши – из-за своей подлости» [5, с. 108]. Но подобные приказы на практике редко выполнялись, и нередко страдали от повстанцев как чеченские, так и русские работники. Органы ОГПУ смогли схватить мятежного имама лишь в 1925 г. Н. Гоцинского отправили в Ростов-на-Дону, где он по приговору суда был расстрелян.

Советские власти принимали меры не только по устранению, но и по профилактике бандитизма в области. Например, в села направлялись специальные комиссары, которые должны были на местах организовать борьбу с бандитизмом; формировались отряды самообороны, которые охраняли переправы через Терек; велся учет всех преступников на территории Чечни [2, с. 700].

Меры, предпринятые чеченским руководством, принесли свои плоды, и бандитские нападения не только на станицы Петропавловского округа, но и на станицы Сунженского округа, являвшегося отдельным от Чечни административным образованием, прекратились.

Относительно укрепив свое положение на территории Чечни при помощи определенных социально-экономических и политических послаблений, советское руководство начало проводить акции по разоружению чеченского населения. После Гражданской войны на территории Чечни на руках у местного населения оставалось большое количество стрелкового оружия. Первая подобная акция была

проведена в 1922 г., когда были разоружены чеченские аулы Махкеты, Гойты и Катыр-Юрт [11, с. 132]. При этом села подверглись налету авиации. Но данная воинская операция не принесла результата, так как лидеры повстанцев, например Н. Гоцинский, не были захвачены, и сама операция носила, скорее, точечный характер.

Первая крупная акция была проведена в 1925 г. с 23 августа по 11 сентября. Ответственность за проведение мероприятия возлагалась на воинские части и части ОГПУ. Сосредоточение сил, участвующих в разоружении, было сделано под предлогом военных маневров в регионе. Стоит отметить, что план операции был разработан с учетом предотвращения потерь как со стороны мирного населения, так и со стороны солдат. Аул, выбранный для проведения операции, окружили солдатами. На сходе старейшин данного аула командование требовало сдать все имеющееся оружие в течение двух часов. Население предупреждали о мерах, которые налагались на аул, не выполнивший требований. В случае их невыполнения аул подвергался артиллерийскому обстрелу. В случае выполнения требования – аул не обыскивали, занимаясь арестом бандитских элементов, которые могли находиться в данном ауле. Стоит отметить тот факт, что использование артиллерийского обстрела планировалось сугубо в целях устрашения мирного населения, так как приказывалось вести огонь на «полупоражение и высокие разрывы [8, с. 50]».

В ходе операции артиллерийскому обстрелу подверглось 16 чеченских населенных пунктов. При этом было разоружено 242 аула. У местного населения было изъято 25 299 винтовок,

4319 револьверов, 1 пулемет и 1 телефонный аппарат Морзе. В ходе операции были арестованы организаторы антисоветских выступлений, среди которых оказались Гоцинский, Атаби Шамилев и Эмин Ансалтинский¹. Разружением Советское руководство не ограничилось. Вскоре последовала чистка партийного руководства Чечни. Т. Эльдарханов был снят с должности председателя Чеченского областного исполкома. Он обвинялся в неумелом руководстве советским аппаратом, отсутствии твердости в принятии решений. Кроме того, Т. Эльдарханова обвинили в нежелательном сотрудничестве с Али Митаевым. По мнению работников ГПУ, он зашел слишком далеко, выдав документ, с помощью которого шейх мог собирать пожертвования по всей Чеченской области [4, с. 4].

В целом, анализируя деятельность Т. Эльдарханова на посту главы ревкома Чечни, можно сделать вывод, что чеченский политик в своей деятельности пытался наладить контакт и с религиозными лидерами Чечни, и с советской властью. Но, в то же время, лидер ревкома, пытался избавиться от опеки Грозненской партийной организации. К примеру, Чеченское оргбюро потребовало от Грозненской партийной организации отказаться от практики шефства над чеченскими селениями [9, с. 122]. В Кремле подобная попытка главы чеченского ревкома повысить значимость своей парторганизации была расценена как отклонение от генеральной линии партии, что стало одной из причин отстранения Т. Эльдарханова.

¹ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 737. Л. 132-134.

Из состава Чеченского исполкома, кроме главы ревкома, были исключены и ближайшие его соратники, и помощники – А. Гайсумов и З. Шерипов. Органы ГПУ обвиняли их во взяточничестве и связях с антисоветскими группировками, укрывавшимися в горах. Новым председателем Чеченского исполкома стал Д. Арсанукаев. В состав обновленного президиума вошли М. Энеев, Д. Токаев, А. Хайтов и др.².

Отставка Т. Эльдарханова и его сторонников – это один из примеров витиеватости национальной политики советской власти на окраинах. В Чечне, как и в Башкирии или Осетии, большевики, на начальном этапе, не могли, имея только свои, подчас ограниченные ресурсы, взять под контроль положение в регионе. Для этого им были нужны представители местного населения, как проводники идей большевизма на местах. Но, как только советская власть укреплялась в той или иной национальной области, ей уже не были нужны местные политические лидеры, подчас чуждые большевистской идеологии.

Кроме того, на отстранение Т. Эльдарханова повлияло личное отношение к нему некоторых кремлевских политиков, в частности, К.Е. Ворошилова. В письме к Сталину Ворошилов писал: «Эльдарханов, да и весь ревком, весьма слабый. Особенно Эльдарханов. Сравнивая его со всей этой братией, которую пришлось лицезреть, приходится всерьез задуматься над судьбой ревкома и дальнейшего Чечни. Эльдарханов бесхарактерен; безвольный, глупый и чванливый старикашка. Другого взамен ему пока нет»¹. Стоит добавить, что и среди чеченцев Эльдарханов не имел серьезного авто-

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 116. Л. 26.

ритета. На территории горной Чечни его открыто называли спекулянтом². Однако при этом Т. Эльдарханов все же заслужил репутацию прямолинейного политика, не стеснявшегося открыто выражать недовольство действиями советской власти. Это могло стать одной из причин негативного отношения к нему со стороны московской власти. На IV совещании ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившем в Москве 9–12 июня 1923 г., Т. Эльдарханов уверил ВЦИК, что «никаких контрреволюционных выступлений не ожидается». Кроме того, он винил «неопытных агентов ГПУ», введших Москву в заблуждение³. В дальнейшем, эти высказывания чеченского политика, возможно, стали одной из причин его отставки.

Включение Чечни в советскую социально-экономическую и культурную систему позволило чеченскому народу достигнуть нового этапа в своем развитии. В период с 1920-х гг.

в Чечне была практически с нуля создана промышленность, открывались школы и высшие учебные заведения, росла общая грамотность населения.

Но советское руководство, как и во многих национальных областях, в Чечне подошло к модернизации общества механически. С одной стороны, советское руководство давало Чечне огромные финансовые, материальные и умственные ресурсы, что, несомненно, позволило в достаточно короткий срок достигнуть небывалого уровня развития, но, с другой стороны, подошло к этому вопросу без учета менталитета и обычаев народа. Советское руководство, стремящееся в короткие сроки построить социализм в СССР, в национальной политике так же стремилось в максимально короткие сроки вывести национальные окраины на один уровень с центральными областями. Это порождало конфликты между центральной властью и местным населением, которые чаще всего решались с помощью оружия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. Грозный: Серло, 1930. 105 с.
2. Ахмадов Я.З., Хасмагамадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веке. М.: Пульс, 2005. 996 с.
3. Жупикова Е.Ф. Повстанческие движения на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169.
4. Крах одной авантюры // Грозненский рабочий. 1976. 12 дек.
5. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки). Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 211 с.
6. Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-х годах // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
7. Подготовка к продналогу в Чечне // Красный труд. 1921. 1 окт.
8. Романов П.В. Чечня. Белая книга. М.: РИА Новости, 2000. 190 с.
9. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русь, 2001. 372 с.
10. Тайны национальной политики ЦК РКП. М.: НПО Инсан, 1992. 293 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 64.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 270. Л. 80.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 101. Д. 288. Л. 86.

11. Шнайдер В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917-конец 1950 годов): закономерности и противоречия. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. 416 с.
12. Этенко Л.А. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1975. 223 с.

REFERENCES

1. Aytorkhanov A. To the Main Aspects of the History of Chechnya. Grozny: Serlo, 1930. 105 p.
2. Akhmadov I.A. Z., Khasmagamadov E. K.H. The History of Chechnya in XIX–XX Centuries. M.: Puls, 2005. 996 p.
3. Zhupikova E.F. The rebel movements in the Northern Caucasus in 1920–1925 years (Documentary Publications and the Newest Domestic Historiography). *Otechestvennaya istoriia*. 2004. №3. P. 159–169.
4. The Collapse of One Venture. *Groznensky Rabochy*. 1976. December, 12. 4 p.
5. Klychnikov Iu.Iu., Linets S.I. The Northern Caucasian Knot: Features of the Potential for Conflict (Historical Essays). Piatigorsk: RIA-KMV, 2008. 211 p.
6. Marchenko G.V. Anti-Soviet Movement in Chechnya in 1920–1930-ies. *Voprosy istorii*. 2003. no 1. pp. 131–138.
7. Preparation for the Tax in Kind in Chechnya. *Krasny trud*. 1921. October 1. 4 p.
8. Romanov P.V. Chechnya. White Book. M.: RIA Novosti, 2000. 190 p.
9. Sigauri I.M. Essays on the History and Polity of the Chechens from Ancient Times. M.: Rus, 2001. 372 p.
10. Secrets of the National Policy of the Central Committee of the Communist Party. M.: NGO Insan, 1992. 293 p.
11. Schneider V.G. Soviet Nation-Building in the Northern Caucasus (1917 – Late 1950): Laws and Inconsistencies. Armavir: RIC ASPU, 2007. 416 p.
12. Etenko L.A. Lenin and the Mountaineers of the Northern Caucasus. Ordzhonikidze Er, 1975. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кульчицкий Пётр Викторович – аспирант кафедры новой и новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: p.kulchitskiy@mboug.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulchitskiy Peter V. – Post-Graduate Student of the Department of the New and Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: p.kulchitskiy@mboug.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кульчицкий П.В. Проявления элементов сепаратизма в Чечне в 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 78–84.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-78-84

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

P. Kulchitskiy. Manifestations of separatism elements in Chechnya in 1920. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 78–84.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-78-84